

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LVII

№ 3
июль-сентябрь 2021

ТАШКЕНТ
2021

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбекистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ

Валерий ГЕРМАНОВ

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Рубен НАЗАРЬЯН

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

Стр. 2: Рильский монастырь (С. 6).

Стр. 3: А. Устименко, 1966 г. Рисунки из дневника (С. 108).

Восток Свыше. 2021, № 3 (LVII)

Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

© Ташкентское и Узбекистанское Епархиальное управление Русской Православной Церкви

© Журнал «Восток Свыше»

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Михаил КАЛИНИН. «Настоящая традиция не бывает мертва...» 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Мальчик с теленком. 1075 лет преставления преподобного
Иоанна Рильского (18 августа 946 года) 6

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Прот. Михаил ПУТИНЦЕВ. «Миссионерская проповедь может послужить
поводом к возмущению магометанского населения...». «Письма
из Кульджи» (1877) и их автор. Публикация, предисловие
и комментарии Светланы АСАНОВОЙ 14

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ. Ссылное духовенство в письмах
и воспоминаниях. Митрополит Арсений (Стадницкий)
в Средней Азии 32

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Тема: Колониализм: pro et contra

Владимир ТРУХАЧЁВ. Долгое эхо «Большой игры». Соперничество
России и Великобритании в Средней Азии как исторический
и геополитический феномен 47

Шухрат МУХАМЕДОВ. «...Признает себя покорным слугою Императора
Всероссийского». Дипломатические отношения Хивинского ханства
с Российской империей (вторая половина XIX – начало XX веков) ... 58

Обсуждение книги Шухрата Мухамедова «Россия и Средняя Азия:
страницы истории, личности, мнения» 71

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О священстве. Об иконах 82

ДИСКУССИЯ

Тема: Колониализм: pro et contra

Обсуждение книги Шухрата Мухамедова «Россия и Средняя Азия: страницы истории, личности, мнения»

В обсуждении приняли участие: аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Даниил МЕЛЕНТЬЕВ (Москва); историк, преподаватель Ташкентской духовной семинарии Юрий ФЛЫГИН (Ташкент) и историк-искусствовед, кандидат искусствоведения Александр ДЖУМАЕВ (Ташкент).

Даниил МЕЛЕНТЬЕВ

История политического и экономического развития Туркестанского края уже довольно хорошо изучена советскими, современными российскими, среднеазиатскими, а также западными учеными. Тем не менее, книга ташкентского историка Шухрата Мухамедова «Россия и Средняя Азия: страницы истории, личности, мнения» дает дополнительную информацию для оценки этого периода.

Автор предлагает пересмотр некоторых политико-экономических сюжетов, связанных с пребыванием Средней Азии в границах Российской империи. В основе этого пересмотра лежат неизвестные и недостаточно введенные в научный оборот делопроизводственные материалы канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства из архивохранилищ Узбекистана; в этом, на наш взгляд, состоит главная ценность книги.

Особо хочется отметить неоднократное обращение к жизни выдающихся личностей, связанных с Туркестаном: например, российского государственного и военного деятеля Алексея Николаевича Куропаткина (1848–1925) или востоковеда Николая Петровича Остроумова (1846–1930), чьи неизвестные ранее документы без купюр публикуются в книге. Автор также дает возможность читателю уловить между строк отсылки ко дню сегодняшнему, понять, как и что связывает современный Узбекистан с Российской Федерацией.

Первая глава книги сфокусирована на дипломатических контактах и договорах о подчинении Бухарского эмирата и Хивинского ханства Российской империи. Причины превращения Бухары и Хивы в протектораты объясняются автором исключительно невозможностью для двух этих государств сопротивляться более технологически совершенной российской армии.

Несколько сомнительным представляется утверждение, что Российская империя отказалась полностью подчинить Бухарский эмират (как известный религиозный центр), поскольку опасалась возможного возмущения исламского мира (с. 20). На практике Бухарский эмират не имел политической и экономической самостоятельности (хотя юридически это нигде закреплено не было), что создавало атмосферу неопределенности, выгодную как для колониальной администрации, так и местных элит¹. Бухара и Хива находились под постоянным надзором Императорского русского политического агентства, сохраняя независимость лишь в сфере религии и культуры.

Что касается опасения реакции исламского мира, то в конце XIX – начале XX веков мусульманский Восток переживал времена политического упадка и был почти полностью подчинен европейским державам. Даже Османская империя оказалась под контролем Франции, Великобритании и Германии, что *de facto* означало потерю суверенитета². Султан Великолепной Порты носил титул *халифа*, однако его *фетвы* игнорировались мусульманским духовенством внутреннего Востока России³. Так что, говоря о возможном протесте мусульманского мира в случае прямого подчинения Бухары, автор, как нам представляется, переносит на то время реалии современного миропорядка.

Кроме того, сам мусульманский мир также не представлял собой идеологического единства. Значительная часть интеллектуальной и творческой элиты мусульманских стран старалась модернизировать их с оглядкой на Европу, в которой торжествовали идеи эпохи Просвещения: республиканская форма государства, борьба за эмансипацию женщин и др.

Также замечу, что в целом доводы Ш.Б. Мухамедова смотрелись бы выигрышнее, если бы больше внимания было уделено анализу «политики невмешательства» в дела мусульман Туркестана⁴. Именно эта политика позволяет объяснить многие действия Российской империи и лучше понять пределы колониальной экспансии. Например, то, почему Бухарский эмират и Хивинское ханство под протекторатом России продолжали жить по своим внутренним законам (*шариату* и *адату*), а не по законодательству империи. Перспективной для анализа этой проблемы представляется модель «внутренней колонизации», предложенная историком Александром Эткиндо, который охарактеризовал нахождение Российской империи в Туркестане как доминирование без гегемонии. Чиновники контролировали политическую, экономическую и дипломатическую сферу, однако в плане культуры влияние имперской администрации было минимальным⁵.

Автор неоднократно и зачастую справедливо подвергает критике действия колониальных чиновников. Но можно ли говорить в целом о «некомпетентности [колониальных] властей в центре и на местах» (с. 106)? Тогда встает закономерный вопрос: как такая власть продержалась более полувека? Только на подавлении свободы и насилии? Как сочетается утверждение Ш.Б. Мухамедова о «непознании туземного населения» колониальными властями Туркестанского края (с. 112) с множеством этнографических очерков, травелогов, фотоальбомов, авторами которых были чиновники имперской администрации и путешественники?

Во второй главе автор изучает практики административного регулирования

земле- и водопользования. Совершенно верно отмечается, что российская власть в Туркестане желала регламентировать передачу земли и имущества в вакуф*. К сожалению, автор не исследует вопрос, почему колониальные власти заинтересовались вакуфами. Потому ли, что вакуф служил легальным способом ухода от уплаты налогов в казну? Или вакуф был прикрытием противников модернизации землепользования в регионе? Связано ли массовое открытие вакуфов с боязнью со стороны мусульман переселения на плодородные земли русских крестьян? Являлся ли вакуф тактикой сопротивления усиливавшемуся влиянию социально-политических и экономических институтов Российской империи? Вопросы эти, на наш взгляд, важны, поскольку по всей книге рефреном проходит противостояние/дихотомия христианского государства, вобравшего в себя часть *дар аль-ислам*, с его подданными.

Заслуживает интереса предпринятый в книге сравнительный анализ административного управления в Алжире и Туркестане. Во-первых, в Северную Африку были направлены люди, напрямую связанные с Туркестаном, во-вторых, Россия и Франция использовали метод прямого управления аннексированными территориями. Была, однако, и существенная разница. В отличие от Франции, поощрявшей переселение французов в колонии, Российская империя не способствовала миграции русских крестьян в Туркестанский край (крестьяне переселялись добровольно и хаотично)⁶ и не поддерживала миссионерства среди коренного (мусульманского) населения⁷.

К третьей главе, посвященной Туркестанскому восстанию 1916 года, можно отнести известные слова Михаила Покровского: «История – это опрокинутая в прошлое политика». В 2016 году, в столетнюю годовщину восстания, было проведено множество конференций с участием российского и среднеазиатского научного сообщества⁸. И, как оказалось, до сих пор интерпретации восстания крайне политизированы, как будто оно произошло не столетие назад, а вчера. Обсуждение этого, безусловно, трагического как для европейцев, так и для мусульман Туркестана события требует отхода от прежних идеологических клише и применения современных подходов, лежащих в плоскости культурной антропологии; например, теории культурных поворотов⁹.

Вообще, хотя автор делает оговорку, что по историографии российской колонизации Туркестана готовится отдельная работа (с. 10), остается сожалеть, что в данной книге мировая историография колониализма в целом, и колониального Туркестана – в частности, никак не затронута¹⁰. Например, красной нитью в монографии «Россия и Средняя Азия: страницы истории, личности, мнения» проходит мысль об ориенталистском отношении имперских чиновников к «туземцам», однако отсылка к классической работе на эту тему – «Ориентализм» Эдварда Саида – в книге нет¹¹.

В «Заключении» автор формулирует задачи для дальнейшего развития изучения истории Туркестана в составе Российской империи: подготовка фундаментального издания по истории Узбекистана, прежде всего – колониального периода,

* «Вакуфные земли – это земли, жертвуемые частными лицами и правительством на различные богоугодные учреждения» (с. 44).

публикация архивных материалов и т.д. (с. 361). Можно добавить к этому перевод на узбекский и русский язык книг европейских и американских ученых (а в случае узбекского языка – и российских), а также возможность более свободного доступа для иностранных исследователей в архивы Узбекистана и других среднеазиатских государств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Абдурасулов У, Сартори П.* Неопределенность как политика: Размышляя о природе Российского протектората в Средней Азии // *Ab Imperio*. 2016. № 3. С. 118–164; *Почекаев Р.Ю.* Политико-правовые реалии Бухары в период установления российского протектората // *Восточный архив*. 2017. № 1 (35). С. 21–30; *Он же.* Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917. Юридические аспекты фронтальной модернизации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 72–96.

² См., например: *Киреев Н.Г.* История Турции. XX век. – М.: ИВ РАН, 2007; *Гудвин Дж.* Величие и крах Османской империи. Властители бескрайних горизонтов / Пер. с англ. М. Шарова. – М.: Азбука-Аттикус, 2013. С. 370–393.

³ См.: *Васильев А.Д.* «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). – М.: ИВ РАН, 2014. С. 295; *Круз Р.* За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии / Пер. с англ. Р. Ибатуллина. – М.: Новое литературное обозрение, 2020.

⁴ См., например: *Васильев Д.В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. – М.: Политическая энциклопедия, 2018; *Бобровников В.О.* Имперская интеграция или колониальная сегрегация в управлении восточными инородцами? (Военно-народное управление на Кавказе и в Туркестане в 1860-х – 1917 гг.) / Центральная Евразия. Территория межкультурных коммуникаций: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А.К. Аликберов. – М.: ИВ РАН, 2020. С. 110–141.

⁵ См.: *Эткин А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 343.

⁶ *Глуценко Е.А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. – М.: Центрполиграф, 2010. С. 352, 356–357, 361.

⁷ С христианизацией туркестанских мусульман были проблемы, которые озвучил Н.П. Остроумов на Всероссийском съезде миссионеров в Казани в 1910 году; см.: *Джераси Р.* Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Пер. с англ. В. Гончарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 371.

⁸ Например, см.: *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. – М.: Научно-политическая книга, 2016; *Восстание 1916 года в Туркестане: Сб. документов и материалов / Сост., предисл. и вступ. ст. Т.В. Котюковой.* – М.: Фонд Марджани, 2016; *Туркестанское восстание 1916 г. Факты и интерпретации: материалы междунар. науч. конф. (Москва, 23–26 мая 2016 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров.* – М.: ИРИ РАН, 2016.

⁹ См.: *Брахман-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. – М.: Новое литературное обозрение, 2017.

¹⁰ Кстати, аналогичные замечания об игнорировании (вероятно, сознательном) зарубежной историографии по данному вопросу высказывали ранее Орэль Бейлинсон и Себастьян Римстад в рецензиях на работы Ш.Б. Мухамедова, опубликованных в журнале «Ab imperio» (См.: *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 586–589; 2018. № 1. С. 351–356).

¹¹ Дискурс Э. Саида созвучен идеям Ш.Б. Мухамедова о колониальных механизмах контроля. См.: *Саид Э.В.* Ориентализм: западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский Мир, 2016.

Юрий ФЛЫГИН

Тема российско-среднеазиатских, российско-узбекских отношений, роли и места России в Средней Азии в имперский период неизменно находится в центре внимания современных узбекских исследователей. И столь же неизменен интерес к публикациям на эту тему.

В прошлом году список этих публикаций пополнился монографией известного ташкентского историка Шухрата Мухамедова «Россия и Средняя Азия: страницы

истории, личности, мнения». Особую актуальность работе придает предпринятая в ней попытка осветить ряд проблем, которые, как указано в аннотации, дают возможность найти ответ на современные и перспективные взаимоотношения стран Среднеазиатского региона с Российской Федерацией.

Монография содержит новый материал: прежде всего не публиковавшиеся раньше дневниковые записи, служебные записки, мемуарные произведения, газетные памфлеты. Среди их авторов – Н.П. Остроумов, А.М. Бонч-Богдановский, Г.П. Федоров, В.Ф. Духовская и другие. Хотя не обнаруживается достаточной связи прилагаемых источников с авторским текстом монографии, саму публикацию этих материалов можно только приветствовать. Это, действительно, дает возможность читателю «услышать голоса современников происходящих событий» (с. 2).

Тем не менее, хотелось бы обратить внимание и на некоторые недостаточно проработанные места в этом, в целом, незаурядном исследовании.

Например, приведя оценку К.К. Паленом в его отчете 1910 года о деятельности туркестанских администраторов: «Три личности из числа покорителей Туркестана оставили след в деле его устройства: генералы Колпаковский, Кауфман и Куропаткин», – автор называет это утверждение Палена спорным: «Колпаковский генерал-губернатором Туркестана фактически не был. Куропаткин был генерал-губернатором всего лишь в течение одного года» (с. 95, сноска 184). Однако генерал-губернатором Куропаткин был только спустя несколько лет *после* написания Паленом своего отчета. А Колпаковский был, и не один раз, исполняющим должность генерал-губернатора.

Но дело даже не в этом. Пален и не говорил о генерал-губернаторстве, – он говорит о личностях, сделавших много для благоустройства Туркестанского края или его отдельных частей. И действительно, если Кауфмана современники называли «устроителем Туркестанского края», то подобный эпитет прилагался и к имени Колпаковского, которого называли «устроителем Семиреченской области». Столь же положительно оценивались и заслуги Куропаткина, когда он был начальником Закаспийской области.

Далее, в книге говорится, что Николай Остроумов «после 1921 года вновь преподавал в Ташкенте» (с. 9). Где и что мог преподавать 75-летний педагог, находившийся в опале у новой власти? Неточно названо и место смерти этого выдающегося исследователя Туркестана: Остроумов умер не в селе Луначарском, а в самом Ташкенте, на его восточной окраине, на так называемых «Никифоровых землях». Об этом, в частности, сообщает нам дочь Н.П. Остроумова в своих воспоминаниях¹.

Автор упоминает М. Ерофеева как «исполняющего должность генерал-губернатора от инфантерии». Генералы от инфантерии (генералы пехоты) в российской армии действительно были, а вот генерал-губернаторы от инфантерии – такого не было.

Не совсем точен автор порой и в изложении исторических документов. Так, излагая содержание Шаарского договора между Российской империей и Бухарским эмиратом (1873), Мухамедов утверждает, что «согласно договору, каждое утро кушбеги предписывалось получать у представителя [Политического агентства –

Ю.Ф.] необходимые указания, которые доносились до эмира» (с. 15). Однако в договоре на этот счет нет ничего подобного.

Или, например, согласно автору, статья 14 Договора гласит: «Правительство Бухары не имеет права принимать кого бы то ни было кроме как с согласия Российского правительства» (с. 15). А теперь посмотрим на «настоящую» статью 14 Договора: «Правительство бухарское ни в каком случае не принимает к себе разных выходцев из России, являющихся без дозволительного на то вида от русской власти, к какой бы национальности они ни принадлежали. Если кто из преступников, русских подданных, будет скрываться от преследования закона в пределах бухарских, то таковой изловится бухарскими властями и доставится ближайшему русскому начальству»². Как говорится, почувствуйте разницу.

Договоры Российской империи с Бухарским эмиратом 1868 и 1873 годов, с Хивинским ханством 1873 года регламентировали, в частности, права российских купцов в названных странах. Мухамедов представляет права, полученные российскими купцами по упомянутым договорам, как нечто исключительное и крайне обременительное для среднеазиатских ханств. Русские купцы-де платили теперь «щадящую пошлину – 2,5% от стоимости товара». Но автор умалчивает, что в таких нормах ничего особого, щадящего нет и в помине – российские купцы были лишь освобождены наконец от дискриминации. Указанный размер пошлины в 2,5% платили в среднеазиатских государствах *все* купцы, кроме российских, с которых пошлина была гораздо выше. И это притом, что среднеазиатские купцы в России облагались минимальной пошлиной и могли свободно ездить по стране, чего были лишены российские купцы в Средней Азии.

Некоторая невнятность заметна и в отношении трактовки положения Бухарского эмирата и Хивинского ханства в статусе протекторатов Российской империи. На странице 34 автор пишет, что «царские власти в Петербурге, в том числе и военный министр, смотрели на Хивинское ханство как на *губернию Российской империи*, а на хана как на губернатора» (курсив наш – Ю.Ф.). Аналогичные оценки Мухамедова в отношении Бухарского эмирата я уже упоминал выше.

Но это входит в противоречие с утверждением самого же автора, что после установления российского протектората над Хивой жизнь «ханства продолжалась по своим внутренним законам» (с. 31) и что «руководство Российской империи... соблюдало дипломатический протокол и встречало послов Хивинского ханства и Бухарского эмирата в соответствии с этими международными требованиями» (с. 32). Все это вряд ли бы имело место, если бы Хива и Бухара воспринимались Петербургом как губернии.

Значительное место в монографии уделено антиправительственным выступлениям в Средней Азии в 1916 году. Но здесь, как и выше, заметна некоторая односторонность в оценках и недостаточная обоснованность.

«Туркестанская администрация, – пишет Ш. Мухамедов, – жестоко наказала киргиз за эти действия. Карательные отряды русской армии сжигали поселки киргиз и уничтожили большое количество “туземного населения”. Но об этом в российской исторической науке не принято говорить» (с. 61–62).

Почему же? В последние годы в Российской Федерации издано несколько круп-

ных трудов – сборников научных статей, архивных документов, посвященных этой теме³. В них отражены различные точки зрения, авторы представляют научное сообщество и Российской Федерации, и Средней Азии и Казахстана. В этих трудах делается попытка рассмотреть проблему антиправительственного движения 1916 года насколько возможно объективно.

А вот в книге Мухамедова этой объективности зачастую не хватает. Отмечая жестокость колониальной администрации в подавлении восстания, автор ни единым словом не обмолвился о тех зверствах – убийствах, изнасилованиях, грабежах, поджогах, которые были совершены восставшими по отношению к женщинам, старикам, детям европейского населения, оставшегося беззащитным, поскольку большинство мужчин-европейцев было призвано на фронты Первой мировой войны⁴.

Стоит также учесть, что, среди прочих факторов, недовольство местного населения было вызвано действиями низовой «туземной» администрации – аксакалов, волостных старшин. Они, злоупотребляя своими полномочиями и преследуя зачастую собственные корыстные интересы, извращали положения царского указа о привлечении туркестанцев к работе в тылу. В частности, это выражалось в игнорировании уважительных причин непризыва отдельных категорий населения, если это касалось бедноты, и освобождении состоятельных, подлежащих призыву. Однако тут вина колониальной власти была не столь уж великой; ей приходилось работать с той низовой администрацией, которую выбрало само местное население. Красноречиво говорят о продажности низовой «туземной» администрации приводимые Мухамедовым свидетельства А.Н. Куропаткина и А.Ф. Керенского (с. 70, 99). К сожалению, автор оставил их без анализа, который здесь как раз был бы необходим.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, труд Шухрата Мухамедова, безусловно, заслуживает внимания. Да и вряд ли возможно сегодня написать абсолютно безупречную работу по столь сложной, многогранной и довольно болезненной теме, которую попытался осветить автор. Старые советские подходы, интерпретации в освещении колониального периода истории Средней Азии справедливо отринуты. В научный оборот вовлекается огромный корпус новых источников, ранее неизвестных, а чаще просто игнорировавшихся. Можно утверждать, что в основном преодолена наиболее болезненная стадия первых двух десятилетий развития исторической науки в Узбекистане, когда зачастую в тех или иных исторических оценках на первый план выходили эмоции, не имеющие никакого отношения к объективному анализу.

Труд Мухамедова дает повод для научной полемики, и это хорошо, ибо помогает исследователям продвигаться в дальнейшем осмыслении колониального периода истории Средней Азии. Путь сей не лёгок, поскольку, как справедливо замечает автор монографии, «прошлое трактуется историками различных стран, исходя из национального менталитета и, в немалой степени, политических факторов, сложившихся в этих странах» (с. 10). Однако будем помнить, что объективность не должна зависеть от национального менталитета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Национальный архив Узбекистана. Ф. Р-2231. Оп. 1. Д. 266.

² Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. С. 138.

³ См. в частности: Восстание 1916 года...; Туркестанское восстание 1916 г. ...; Восстания 1916 г. в Азиат-

ской России: неизвестное об известном. (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.) / [Ред.-сост. Т.В. Котюкова]. – М.: Русский импульс, 2017.

⁴ См.: Флыгин Ю.С. Семиреченские события 1916 г.: ради достижения правды надо видеть проблему со всех сторон // Восстания 1916 г. в Азиатской России... С. 513–523.

Александр ДЖУМАЕВ

Новая книга Шухрата Мухамедова делится на две почти равные части: авторское исследование и приложение с документальными материалами. Последнее особенно ценно: в оборот вводятся неизданные, неизвестные и малоизвестные архивные источники, а также опубликованные, но забытые и затерянные воспоминания современников и публикации в периодической печати. Автору удалось представить новые и «хорошо забытые старые» материалы и источники как самоценные для науки документальные свидетельства той бурной эпохи, соединить в одной книге собственный исследовательский взгляд и корпус сопутствующих документальных материалов.

Такая структура не нова и достаточно хорошо апробирована. Но она вызывает естественный вопрос: а как соотносятся эти документы с исследовательскими статьями-разделами? Образуют ли они вместе единое проблемно-тематическое целое? Или каждая часть выстроена сама по себе, и здесь (во второй части) представлен случайный подбор источников, иллюстрирующих ситуацию как бы в целом?

Возникают и другие вопросы: почему именно эти материалы (воспоминания, публикации) отобраны для книги? Ведь общеизвестно, – и это признает сам автор (с. 361), – что подобных, до сих пор не исследованных источников, в различных архивах и, в первую очередь, в Национальном архиве Республики Узбекистан хранится огромное количество. Каковы были критерии отбора?

Источники, опубликованные во второй части книги, сами по себе чрезвычайно интересны. С неослабевающим вниманием читаются воспоминания выдающегося деятеля царской администрации в Туркестане Н.П. Остроумова, человека разностороннего и яркого, проявившего свой талант и на ниве просвещения, и в культуре, и в науке. Или воспоминания Г.П. Федорова о его службе в Туркестанском крае, богатые оригинальными мыслями и тонкими наблюдениями, выразительно нарисованными портретами современников – крупных государственных деятелей империи. Вновь и вновь поражаешься острым и нелюбезным публикациям в прессе той эпохи о «деяниях» властей предрежащих, невежестве и самодурстве некоторых из них, по стечению обстоятельств заправлявших судьбами целого региона, – и благородстве, деятельной энергии и порядочности других.

Менее интересной и, в известной мере, вторичной воспринимается «Записка

военного инженера полковника А.М. Бонч-Богдановского. Мысли и впечатления о Бухарском ханстве и Туркестане, после девятилетнего пребывания в крае (1898–1904 и 1906–1909 годов)» (с. 227–253). Но так как она публикуется впервые, то остановимся на ней несколько подробнее. Ценность ее заключается в наличии колоритных деталей и наблюдений над типами местных народов («типичными бухарцами», таджиками, узбеками, туркменами и др.), мусульманскими чиновниками; нравами, обычаями, социальными отношениями и другими «элементами» жизнедеятельности административной системы эмирата и повседневной жизни мусульман той эпохи. Но есть и другое: «Записка» дает срез типичного обывательского сознания крупного российского специалиста-чиновника, позволяющего себе «поразмышлять» о проблемах колониальной политики Российской империи в Туркестане.

Немалая часть «Записки» Бонч-Богдановского тематически связана с обстоятельной работой выдающегося военного востоковеда, этнографа, публициста, генерал-майора Дмитрия Николаевича Логофета «Страна бесправия»¹, что отмечает и Ш. Мухамедов². Бонч-Богдановский следует за отдельными главами труда Логофета, дает к нему прямые отсылки. Книга Логофета, очевидно, вышла в преддверии написания Бонч-Богдановским его «Записки». Она произвела сильное впечатление на просвещенное общество Российской империи, что, собственно, и подтверждает факт обращения к ней Бонч-Богдановского. Логофет задал, или точнее – усилил некий вектор отношения к Бухарскому эмирату как к «стране бесправия». После выхода его книги и других публикаций из этой «серии» стало чуть ли не модным беспощадно критиковать ситуацию в эмирате. Возможно, что критика находилась в контексте политического противоборства в российской правящей элите того времени по вопросу о будущем Бухары – сохранения ее под протекторатом или включения в состав империи на общих основаниях. Неслучайно книга Логофета содержит красноречивое посвящение: «Посвящается Высокому Вниманию Государственной Думы».

Интересно, что книга Д.Н. Логофета оказала влияние и на правящую элиту Бухарского ханства. Она была переведена на персидский язык, по-видимому, специально для эмира Сайида Абд ал-Ахад-хана и его сына Алим-хана (рукопись перевода имеется в собрании Института востоковедения АН Республики Узбекистан). И что примечательно, в этом же (1909) году Бухарский эмират подвергает сокрушительной критике уже и непосредственно бухарский писатель и революционер Абдурауф Фитрат в своей книге «Муназара», опубликованной на персидском языке в Стамбуле. В то же время известны и положительные оценки состояния отдельных общественных институтов Бухары, исходившие, в частности, от некоторых просвещенных татарских деятелей. Как видим, спектр мнений о Бухаре весьма широк.

Итак, публикуемые Ш. Мухамедовым во второй части книги источники безусловно интересны, – и тем более странно, что они почти никак не связаны с теми вопросами, которым посвящена первая часть монографии (дипломатические отношения Бухарского эмирата и Хивинского ханства с Российской империей;

особенности землевладения и водопользования в Средней Азии и Алжире в XIX веке; восстание «туземного населения» 1916 года). В них, в лучшем случае, можно найти отдельные «иллюстрации» к рассмотренным в первой части темам, но не более того.

Не совсем понятно, по каким принципам осуществлено издание и переиздание документальных источников? По принципам строгой академической публикации или же, скажем так, «популярной», рассчитанной на массового читателя? Судя по всему, по вторым, поскольку автор не следует в этом вопросе строгим академическим правилам издания документов. Удивляет и огорчает большое количество допущенных опечаток, неправильно прочитанных и искаженных слов, пропусков и нарушений пунктуации, отсутствие в отдельных фрагментах внутренней логики изложения, некоторая неряшливость в подаче источников и исходных данных о них, манера их комментирования – непоследовательная, крайне скудная, неполная, и т.п.³ В книге отсутствуют необходимые для подобного рода публикаций указатели. Такие оплошности, которые можно было бы понять при издании обычной книги, вряд ли допустимы при обращении с архивными материалами. Примеров достаточно много, и потому нет смысла их перечислять. Не придется ли исследователям перепроверять эти документальные тексты по архивам и первоначальным изданиям?

Что касается авторской позиции в отношении столь непростой и для многих болезненной темы, как колонизация Российской империей Средней Азии, то автор, в целом, стремится быть объективным. Лишь в отдельных случаях его неожиданно жесткие и односторонние выводы «повисают в воздухе» (например, о событиях 1916 года, – см. с. 61–62).

В целом, вопрос об отражении в современных публикациях по Средней Азии разных точек зрения с обеих сторон – и со стороны Российской империи, и изнутри – со стороны местных просвещенных интеллектуальных и правящих элит, – остается открытым.

Ш. Мухамедов в начале книги (с. 10) сообщает, что «представленный материал дает нам возможность составить просопографию, или коллективный портрет эпохи». В «Заключении» он возвращается к этому вопросу (с. 362), но уже как к задаче на перспективу («Необходимо создать коллективный портрет эпохи (просопография)»). Для создания такого портрета он считает необходимым дальнейшее изучение биографий видных людей того периода, туркестанских генерал-губернаторов и их окружения. Признается и необходимость исследования большого пласта «источников и исторической литературы на национальных языках авторов по исследуемому нами периоду» (с. 362).

Однако совершенно очевидно, что создать полноценный коллективный портрет эпохи невозможно без учета всего спектра мнений, оценок и суждений, исходящих из самых разных источников и от разных заинтересованных и задействованных в историческом процессе «сторон». Мы лишь на пути к этому. И книга Ш. Мухамедова подтверждает эту очевидную истину, впрочем, хорошо осознаваемую и самим автором.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Логофет Д.И. Страна безправия. Бухарское ханство и его современное состояние. Издал В. Березовский, комиссионер военно-учебных заведений. – С.-Пб.: [Рус. скоропечатня], 1909.

² В публикации фамилия автора книги дается без инициалов и в искаженном написании – «Лагофет»,

а название – в неполном виде (с. 231, 237 и далее).

³ Кроме отмеченного выше (примечание 15) примера с Д.Н. Логофетом и его книгой, см., в частности, на страницах: 144, 149, 157, 159, 160, 162, 164, 168, 186, 188, 237, 238, 241, 244, 346, 348, 349, 355, 356 и др.
